

Цзян Вэньчжоу, держа Чу Яня за руку, подвел его к парковке и открыл дверцу автомобиля:

— Осторожнее.

— Ваше Величество, чуть позже у вас запланирован торжественный обед в Военной академии Шэн Сюэлай. Отменить его? — спросил Янь Ань, как только Цзян Вэньчжоу и Чу Янь сели в машину.

— М-м, я не поеду.

— Хорошо, сейчас же всё отменю. Ваше Величество, нужны ли вам запасные куртки?

— Возьми две. И после отмены предупреди Императорскую больницу Шэн Сюэлай, чтобы готовились. Я везу Чу Яня на обследование.

— Слушаюсь.

Вскоре Янь Ань достал из своей машины два запасных пальто, передал их Цзян Вэньчжоу и закрыл за ними дверь. Уведомив ректора Военной академии Шэн Сюэлай о том, что Император не сможет присутствовать на банкете, делегация направилась в больницу.

— Давай, Чу Янь, надевай.

Цзян Вэньчжоу распахнул свое кашемировое пальто и накинул его на плечи Чу Яня, жестом предлагая юному альфе продеть руки в рукава.

— Ваше Величество, я весь в грязи. Я испачкаю вашу одежду. Лучше не надо. К тому же здесь совсем не холодно.

Чу Янь вежливо ответил на проявление заботы:

— Если я испорчу вашу вещь, то наверняка не смогу возместить ущерб. Ваша одежда, должно быть, очень дорогая.

— У меня полно такой одежды. Всё в порядке. Даже если испачкаешь, платить не придется.

Цзян Вэньчжоу, не слушая возражений, сам накинул пальто на плечи юноши, аккуратно взял его за тонкие запястья и помог продеть руки в рукава.

— На улице холодно. Если не оденешься потеплее, простудишься. Ты и так ранен, а если еще и заболеешь — это будет беда на беду.

Император возился с ним, словно с маленьким ребенком. Его отношение было мягким и дружелюбным, без тени высокомерия. Чу Янь почувствовал эту искренность, и скованность с отчужденностью в глазах юного альфы немного отступили.

— Хорошо, спасибо вам. Дальше я сам.

Помощь Цзян Вэньчжоу была для Чу Яня излишне давящей. Цзян Вэньчжоу заметил это и не стал настаивать, просто вложил тяжелое кашемировое пальто в руки юноши.

— Хорошо, одевайся сам, — мягко сказал Император.

От пальто исходил едва уловимый аромат феромонов оливы — свежий, успокаивающий, обладающий целебными свойствами. Ткань еще хранила тепло тела Императора, нежно и плотно укутывая юного альфу. Чу Янь вдохнул этот запах: значит, это и есть феромоны Императора, подумал он, довольно приятный аромат.

Цзян Вэньчжоу же вспоминал ощущение от прикосновения к коже юноши. Каждый раз, когда он касался Чу Яня, по кончикам его пальцев пробежал слабый электрический разряд. Мало того, его тело отозвалось на это весьма недвусмысленно.

Энигма, подавляя вспыхнувшее желание, достал бутылку минеральной воды и протянул Чу Яню:

— Выпей воды. Вы приехали утром, наверняка еще не завтракали? У тебя губы совсем пересохли.

— М-м, да, не ел. Спасибо вам.

Чу Янь принял откупоренную бутылку и стал пить маленькими глотками. Цзян Вэньчжоу, расположившись на просторном сиденье, закинул ногу на ногу. У него не было низменных помыслов — Чу Янь слишком тяжело ранен, и Император искренне беспокоился о нем, но не мог совладать с реакцией собственного организма. Видимо, дело было в невероятно высоком уровне совместимости: даже когда альфа и энигма не испытывают сознательного влечения, тело всё равно реагирует честно, пусть и совсем не вовремя.

Цзян Вэньчжоу перевел взгляд за окно, где мелькали зеленые насаждения. Он не мог постоянно смотреть на Чу Яня — если продолжит, то не сдержится, а это может напугать юношу. Хотя он и влюбился в Чу Яня с первого взгляда, показывать свою симпатию столь поспешно было бы неискренне.

Император быстро взял себя в руки, успокоился и позвонил Сюй Чжэну, главному врачу Императорской больницы Шэн Сюэлай.

— Приветствую, Ваше Величество. Давно не виделись. Вы уже вернулись в столицу с фронта?

— М-м. Звоню не по своим делам. Я в полном порядке.

Цзян Вэньчжоу слегка повернулся и окинул Чу Яня взглядом.

— Важный мне человек получил ранение в бою.

— Это кто-то из членов императорской семьи?

— Пока нет, но рано или поздно станет. Поэтому лечи его по высшему разряду, как члена императорской семьи. Никаких ошибок. Этот человек для меня очень важен.

Цзян Вэньчжоу немного помолчал, а затем понизил голос:

— Если всё пойдет по плану, он станет будущей императрицей. Но пока пусть он об этом не знает, я хочу, чтобы он сосредоточился на лечении.

Сюй Чжэн был ошеломлен объемом информации и на мгновение замолчал.

— Ты услышал, что я сказал?

Очнувшись от окрика Императора, врач поспешно ответил:

— Да, Ваше Величество, я буду хранить молчание.

— Расскажу о его ранениях: на лице рваная рана, примерно одна шестая часть лица пострадала, рядом с подбородком, можно сказать, обезображено. Глаза тоже повреждены, зрение упало. И слух — он слышит меня, только если я говорю прямо на ухо. Это всё, что удалось заметить.

Закончив говорить холодным тоном, Цзян Вэньчжоу приказал:

— Вызови лучших специалистов клиники. Сделай всё возможное, чтобы вылечить его, чтобы лицо выглядело так же, как до ранения.

— Ваше Величество, сегодня день планового осмотра членов императорской семьи, поэтому многие эксперты не в больнице. Они направляются во дворец.

— Верни их. Это мой приказ. Плановый осмотр перенести.

— Слушаюсь.

— Официальный документ с этим приказом Янь Ань пришлет чуть позже.

— Хорошо, Ваше Величество. Я сейчас же организую возвращение специалистов и соберу консилиум.

— М-м. Занимайся. Увидимся.

Затем Цзян Вэньчжоу переговорил с Янь Анем, обустроив для Чу Яня «зеленый коридор» для быстрого приема, и немного успокоился.

Чу Янь понимал, что Император говорит по телефону, но не разбирал слов. Когда юный альфа допил воду, разговор закончился, и взгляд Императора снова невольно приковался к нему.

— Дай мне.

Цзян Вэньчжоу забрал пустую бутылку из рук Чу Яня. В этот момент бинт, закрывавший рану на лице юноши, внезапно сполз и упал прямо на бесценные часы на запястье Императора.

Вот и всё. Такая грязная повязка упала на часы самого Императора. Все остальные терпеть не могли его шрамы, и Цзян Вэньчжоу, конечно, не исключение.

Чу Янь поспешно схватил бинт с руки Императора:

— Простите, Ваше Величество. Я испачкал ваши часы. Позвольте, я протру их?

Цзян Вэньчжоу слегка нахмурился, глядя на него. Император почувствовал укол жалости. Чу Янь не понял выражения его лица и машинально решил, что тот, как и все остальные, брезгует уродливым шрамом, напоминающим сороконожку, поэтому тут же попытался прикрыть лицо бинтом.

— Извините, моя рана вас напугала, мне очень жаль. Я сейчас же закрою лицо.

Чу Янь был готов к такому повороту, эта повязка уже не раз спадала. Чтобы она не упала снова, он вытащил из пальто собственную шапку. Сохраняя спокойствие и рассудительность, он натянул её, а грязный бинт спрятал в карман. Затянув шнурок на шапке, он почувствовал, как она плотно прижалась к ране, причиняя боль, зато повреждение было полностью скрыто.

Чу Янь не сорвался, а спокойно посмотрел на Цзян Вэньчжоу:

— Теперь ведь не видно? Простите, что напугал вас. Я не нарочно.

Он был готов к тому, что его высадят из машины. Он не винил Цзян Вэньчжоу, никого не винил, он понимал эту неприязнь. Даже он сам, глядя на себя в зеркало, находил себя пугающим, так как он мог требовать от других относиться к нему как ни в чем не бывало?

— Ваше Величество, может, мне пересесть в машину позади?

Чу Янь смотрел на нахмуренные брови Цзян Вэньчжоу, и сердце его начало холодеть. Вдруг Император переместился ближе к нему, вплотную сев рядом.

Чу Янь подумал, что тот сейчас ударит его или вытолкнет из машины — выражение лица Императора было очень уж суровым. И когда сердце Чу Яня уже ушло в пятки, Цзян Вэньчжоу стащил с его головы шапку, наклонился к самому уху и четко, торжественно произнес:

— Ты меня не напугал. И я никогда не считал твои раны уродливыми.

Цзян Вэньчжоу коснулся его лица, и в глазах Императора промелькнули глубокая нежность и трепет:

— Даже будучи раненым, ты остаешься самым прекрасным альфой из всех, кого я встречал.

<http://bllate.org/book/22365/2345222>